

Психологические исследования девиантного поведения

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-51-69

Научная статья

Восприятие вандальных повреждений молодежью: перцептивный этап

**Кружкова
Ольга Владимировна**

Уральский государственный
педагогический университет,
институт психологии
(Екатеринбург, Россия)

kruzhoch@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789

**Воробьева
Ирина Владимировна**

Уральский государственный
педагогический университет,
институт психологии
(Екатеринбург, Россия)

ORCID: 0000-0003-0561-3888

**Пецникова
Яна**

Университет Матвея Бела,
факультет гуманитарных наук
(Банская Бистрица
Словацкая Республика)

ORCID: 0000-0002-6596-5685

Благодарности: исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ проект 17-18-01278

Для цитирования: Кружкова, О. В., Воробьева, И. В., Пецникова, Яна. (2021) Восприятие вандальных повреждений молодежи: перцептивный этап. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 51-69. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-51-69.

© Кружкова О. В., Воробьева И. В., Пецникова Яна, 2021

Аннотация

Введение. Необходимость противодействия вандализму вызвана экономическими, социальными, культурными убытками и потерями. Неэффективность существующих профилактических программ побуждает к научным исследованиям причин вандального поведения и механизмов его регуляции. В статье представлено исследование субъективной стороны вандализма – восприятия молодежью вандальных поражений городской среды. Предполагая, что отношение молодежи к вандальному поведению может проявляться еще на этапе его перцепции, исследование данного этапа рассматривается нами важным для раскрытия установочных и регулятивных компонент вандализма.

Целью исследования является изучение особенностей восприятия вандализма молодежью путем выявления когнитивных, эмоциональных, ценностно-смысловых, установочных и зрительно-моторных компонентов перцептивного акта. Исследовательские задачи: 1) выявление субъективно значимых форм вандализма; 2) рутинные формы вандализма; 3) влияние ролевой ориентировочной позиции на восприятие вандализма; 4) влияние опыта вандального поведения на зрительно-моторные характеристики восприятия вандальных стимулов.

Методология, методы и методики. Методологической основой исследования выступает феноменологический подход к социально-средовым исследованиям городской среды. Его применение позволяет объяснить результаты исследования субъективной позицией городской молодежи, сформированной по отношению к вандальным поражениям и проявляющейся в ходе эксперимента в оценке, отношении и ориентировки как реакции на изображения городских вандальных разрушений.

Методом исследования является эксперимент. В ходе эксперимента обследуемому индивидуально предъявляются стимулы, изучаются его зрительно-моторные реакции и сопровождающие их изменения глазного аппарата. Методом сбора информации выступают самоотчет, изучающий психоэмоциональное состояние, отношение и понимание вандальных поражений, айтрекер Tobii Pro Spectrum, измеряющий глазодвигательные реакции на предъявляемые стимулы. Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, U-критерий Мана-Уитни.

Стимульным материалом выступают 10 изображений вандально-пораженной городской среды.

Выборка исследования включает 103 человека от 19 до 24 лет с пропорциональным соотношением мужчин и женщин.

Процедура исследования. Выборка была разделена на 8 фокус-групп, длительностью 1 час 40 минут. Исследование на айтрекере проводилось с группой 11 человек (72,2 % – девушки).

Результаты. 1) субъективно-значимыми формами вандализма являются граффити, замусоривание и уничтожение собственности; 2) рутинными формами вандализма являются поражения досуговых, внутридомовых и придворовых пространств; 3) ролевые позиции Я-вандал и Я-зритель различаются в оценках допустимости вандальных действий и их значимости; 4) ранее приобретенный опыт вандальных действий влияет на зрительно-моторные характеристики восприятия вандальных поражений.

Научная новизна. Выявленные факты расширяют представление о восприятии вандальных действий, показывая, что ролевая ориентировочная позиция влияет на оценку вандальных повреждений, опыт вандальных действий предопределяет ориентировку и оценку вандальных поражений.

Практическая значимость. Разработанная процедура исследования восприятия вандальных поражений городской среды позволяет собирать информацию о глазодвигательных реакциях, может применяться для проведения аналогичных исследований.

Ключевые слова

вандализм, восприятие вандализма, оценка вандальных действий, городская среда, айтрекинг

Psychological research of deviant behavior

Scientific article

Youth's Perception of Vandalistic Damages. Perception Stage

Olga V. KruzhkovaUral State Pedagogical
University, Institute of Psychology
(Yekaterinburg, Russia)

kruzhoch@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789**Irina V. Vorobyova**Ural State Pedagogical
University, Institute of Psychology
(Yekaterinburg, Russia)**ORCID:** 0000-0003-0561-3888**Yana Petsnikova**Matvey Bel University, Faculty
of Humanities
(Banska Bystrica, Slovak Republic)**ORCID:** 0000-0002-6596-5685

Abstract

Introduction. The necessity to counteract vandalism is due to economic, cultural and social losses. Inefficiency of the actual preventive programs calls for a new research of vandalistic behavior motives and ways to control them. The paper deals with subjective effects of vandalism – youths' perception of vandalistic damage to urban area. Youths' attitude to vandalistic behavior is supposed to get shaped already at the perception stage, that is why research of this stage is viewed as essential to reveal initial and regulatory drivers of vandalism.

Objectives. The study is aimed at researching special aspects of youths' perception of vandalism through identification of cognitive, emotional, value-and-sense, attitude and visual motor components of a perceptual act. The goal of the study implies the following research challenges: 1. to identify subjectively essential forms of vandalism; 2. to reveal conventional forms of vandalism; 3. to discover the effect of role-oriented position on vandalism perception; 4. to identify the effect of vandalistic experience on visual motor characteristics of vandalistic stimuli perception.

Methods. Phenomenological approach to social-environmental research of urban area is the major tool of the study. This method enables to explain some research findings by subjective attitude of urban youths to vandalistic damages. In the course of the experiment this attitude manifested itself in the evaluation and orientation as reaction to images of urban vandalistic damages.

The main research procedure is experiment. In the course of the experiment a subject was given stimuli, his visual motor reactions and changes of their ophthalmic system were fixed. Data were collected through self-evaluation reports fixing psychoemotional state, attitude and understanding of vandalistic damages, as well as through an eye tracker Tobii Pro Spectrum measuring oculomotor responses to the stimuli. The processing method was descriptive statistics, U-criteria of Mann-Whitney.

Participants and stimuli. The stimuli were 10 images of vandalistic damages to urban area. The survey sample included 103 people aged 19-24 with proportional correlation of men and women. They were divided into 8 focus groups. The experiment lasted 1 hour and 40 minutes for each group. The eye tracker research was conducted with a group of 11 people (72,2 % – girls).

Results: 1) Subjectively significant forms of vandalism are graffiti, littering and property destruction. 2) Conventional forms of vandalism are damage to recreational areas, the building and its premises. 3) Roles I-vandal and I-viewer (observer) differ in evaluation of admissibility of vandalistic actions and their significance. 4) Previous vandalistic experience affects visual motor characteristics of vandalistic damages perception.

Scientific novelty. The research findings give a wider scope of vandalistic actions perception, proving that a role-oriented position influences on evaluation of vandalistic damages and vandalistic experience, predetermines orientation and evaluation of vandalistic damages.

Practical significance. Developed research procedure of vandalistic damages to urban area perception enables to collect data about oculomotor response and can be applied for similar research.

Keywords

vandalism, vandalism perception, evaluation of vandalistic actions, urban area, eye-tracking

For citation: Kruzhkova O. V., Vorobyova I. V., Petsnikova Yana. (2021) Youth's Perception of Vandalistic Damages. Perception Stage. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 1(1), 51-69. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-51-69.

Введение

Профилактика вандализма является востребованным и социально-значимым мероприятием, позволяющим снизить затраты на восстановление испорченной или уничтоженной инфраструктуры городского пространства, сберечь культурное наследие и сохранить привлекательность городов. Кроме существенных экономических затрат, важность профилактики вандализма обусловлена тесной связью вандализма с хулиганством. Считая, что разрушение может быть безнаказанным, подростки и молодежь переходят к другим, более социально-опасным видам правонарушений и преступлений.

Признавая вандализм важным объектом профилактики, отметим малое количество научных публикаций, объясняющих причины вандализма молодежи. Данные работы рассматривают вандализм одной из форм хулиганства, формой креативной деструктивности горожан. Специальных исследований, посвященных изучению психологии восприятия вандализма городской среды молодежью, недостаточно. Кроме того, применяемая в них феноменологическая методология обогащает научные представления о вандализме (Halsey, M., Young, A., 2006), но не способствует концептуализации моделей вандализма молодежи.

На наш взгляд, это обстоятельство препятствует разработке программ профилактики молодежного вандализма, поскольку не позволяет понять субъективные причины вандализма, раскрыть отношение молодежи к вандализму и объяснить основания, по которым отдельные виды вандализма признаются уместными и ценными, а другие – неуместными и вредными. Понимание критериев, по которым молодежь атрибутирует и оценивает вандализм, позволит, по нашему мнению, разрабатывать целевые программы профилактики вандализма, учитывающие направленность молодежи на совершенствование городского пространства, предлагающие комплекс запретов и разрешений, регулирующих вандализм.

Представленное в данной статье исследование направлено на решение одной из задач – исследование субъективного восприятия вандализма городской среды молодежью. С его помощью выявляются новые эмпирические факты о восприятии и оценке молодежью вандализма городского пространства. Сопоставляя группы молодежи, имеющие разный опыт вандализма, мы изучаем когнитивные, установочные и ценностно-мотивационные составляющие восприятия вандализма. Применение специальной методологии – айтрекинга (eye-tracking) – регистрации глазодвигательных и физиологических реакций зрительного аппарата глаза во время эксперимента позволяет описать зрительно-моторную составляющую восприятия акта.

Материал статьи разделен на две части. Первая знакомит с теоретическими основаниями проведенного исследования, вторая – описывает организацию, процедуру и результаты эмпирического исследования. В завершении статьи описываются выводы и рассматриваются направления будущих исследований.

Теоретические основания исследования восприятия вандализма

В отечественных и зарубежных исследованиях вандализм рассматривается многоаспектно: как явление на стыке девиации и искусства, как историческая реальность, как проблема образовательных учреждений, как стратегия взаимодействия человека и городской среды.

В данной статье вандализм определяется как намеренное, произвольное воздействие на объект, приводящее к его искажению, нарушению функционирования или уничтожению (Cohen, 1973). Основным признаком вандализма является совокупность экономического, социального и культурного вреда, нанесенного объекту.

Теоретической основой работы выступает феноменологический подход (Мерло-Понти, 1999), применяемый к социально-средовым исследованиям психологического пространства (Абрамова, 1995). Следуя ему, городская среда многообразно влияет на психоэмоци-

ональное состояние его жителей, побуждая чувства, формируя отношение к его объектам. Инфраструктура города – его дома и улицы, площади и парки, памятники и пустыри, составляют один из аспектов переживания бытия горожанами. Город как фрагмент бытия раскрывается эмоциональными состояниями и образами, влияющими на отношение людей к себе и другим. Образ городской среды опосредует эти отношения и, вместе с тем, представлен их частью, выступая фоном, на котором происходят социальные события и осуществляется индивидуальная жизнь.

Явления вандализма в городской среде

Сталкиваясь с вандальными практиками и наблюдая вандализм в окружающей среде, среднестатистический горожанин относит это деструктивное явление к сфере активности особых социальных групп, состоящих преимущественно из молодых людей, ведущих асоциальный или антисоциальный образ жизни.

Однако, как показывают многолетние исследования, вандализм – чрезвычайно многообразное явление и его проявления зачастую выходят за границы традиционных представлений о вандальных действиях, как разрушительных, искажающих и портящих (Vorobyeva, I. V., Kruzhkova, O. V. & Krivoshechekova, M. S., 2015). Наиболее распространенными видами городского вандализма исследователи считают:

1. Графический вандализм – преобразование окружающих объектов реализуется посредством нанесения на них рисунков и/или надписей. Формы исполнения, средства и инструменты могут быть самыми разнообразными – от простых рисунков перманентными маркерами до высокохудожественных изображений, выполненных красками из аэрозольных баллончиков.

2. Вандализм замусоривания – преобразование пространства путем бессистемного добавления в него объектов. Эти объекты могут быть уже лишены какого-либо функционального назначения и быть мусором или отходами, а также добавляться в среду с определенной маркетинговой целью – рекламы. Так, к последнему варианту относятся многочисленные объявления, расположенные на самых различных объектах городской инфраструктуры – остановочные комплексы, столбы, дорожные знаки, деревья и т. п.

3. Деструктивные формы вандализма – разрушение, сожжение, порча объектов городской среды. Самый негативный вариант проявления вандализма, предполагающий полное или частичное уничтожение элементов городской инфраструктуры – разбитые витрины киосков, сломанные ограждения, испорченные огнем мусорные баки и т. п. Это далеко не полный перечень вандальных атак, воздействие которых переживает на себе среда мегаполиса.

Данные виды вандализма рассматриваются нами в качестве предметной области исследования. Полагая, что городская молодежь сталкивается с ними чаще всего, и именно они формируют представление о вандальной пораженности, далее в эмпирической части исследования изображения граффити, замусоривания, заклеивания и порчи

домовой и придомовой инфраструктуры будут использоваться в качестве репрезентант вандализма.

Современные исследования восприятия вандального поведения

Обращаясь к восприятию вандального поведения, отметим, что восприятие вандализма стало активно изучаться в конце XX века (Волкова, Е. Н., Митицина, Е. А., 2020, с. 6), но специальных работ, показывающих нейрофизиологические и нейрокогнитивные составляющие перцепции, не так много. Основной массив исследований фокусируется на оценке вандальных действий, а полученные в них данные и составляют массив теоретических знаний об отношении молодежи к вандальным действиям.

Научные знания о вандальном поведении описывают субъективные *последствия* его восприятия городской молодежью и социально-психологические факторы, определяющие *оценку* вандальных повреждений.

В частности, исследователями показано, что восприятие вандально-пораженной среды может оказывать воздействие на состояние человека, воспринимающего его. Осознание того факта, что вокруг находится городская среда, существенно деформированная вандальными преобразованиями, может приводить к переживанию негативных эмоций и состояний (тревоги, страха, депрессии, незащи-

”

Городская среда многообразно влияет на психоэмоциональное состояние его жителей, побуждая чувства, формируя отношение к его объектам.

Инфраструктура города – его дома и улицы, площади и парки, памятники и пустыри, составляют один из аспектов переживания бытия горожанами.

“

ценности и небезопасности) субъектом восприятия (Schneider, 2002), (Wilson, J., Kelling, G., 1982), (Воробьева И., 2019).

Восприятие внешних признаков деструкции, небрежности, запущенности общественного пространства вызывает у проживающих в вандабно поврежденной городской среде, а также использующих данное пространство повышенную тревогу и сомнения относительно чувства безопасности (Hirtenlehner, H., Leitgöb, H., Stiebellehner, K., Birklbauer, A., Bacher, J., 2019). Разбитые окна, погнутые или исчерканные дорожные знаки, надписи на стенах домов, наклейки на поверхностях перилл, скамеек, оборудования детских площадок, перевернутые мусорные баки часто являются следами совершенно вандабно действия и расцениваются гражданами именно как проявление агрессии по отношению к городской среде, следовательно, угрозе для них.

Следует отметить, что вандабно-пораженная городская среда может быть привычной для жителей и не восприниматься ими как нечто подталкивающее к разрушительным действиям (Westover, 1985). Придание значения вандабно действиям зависит не только от личности, но и от социального окружения человека. Так, к примеру, в исследовании R. N. Clark показал, что отношение людей к замусориванию определяется поведением окружающих. В случае если отдыхающие в парке оставляют после себя мусор, то другие окружающие с большой долей вероятности также последуют их примеру (Clark, 2008).

В исследовании проблем тагирования (нанесения краской трафаретных надписей), исследователи обнаруживают, что молодежь, отрицая вандализм в целом, тем не менее, считает допустимым рисование тегов. Группы молодежи, занимающиеся тегированием, не только соревнуются друг с другом, но еще и координируют собственные действия, чтобы избежать преследования со стороны правоохранительных органов (DeShay, R. A., Vasquez, A. G., Vieraitis, L. M., 2020).

Кроме того, восприятие вандабно поведения опосредуется социальной сплоченностью (например, добрососедскими отношениями) населения, а также психологической установкой оказаться жертвой вандализма (Ceccato, V., Haining, R., 2004). Отсутствие об-

щественных объединений жильцов, взаимодействия среди соседей повышает риск вандализма. Напротив, интеграция людей, проживающих совместно, способствует возникновению механизмов социального контроля.

Вандализм сигнализирует о нарушении общественных норм поведения (Павлов, 2017), указывая на то, что субъект находится в месте, в котором привычно и безнаказанно происходит нарушение правил, а закрепленные за человеком и социумом права могут игнорироваться. Восприятие следов преднамеренной деструкции среды повышает оценку личного риска виктимизации, что ведет к переживанию опасений криминальных действий по отношению к субъекту восприятия.

”

Вандализм сигнализирует о нарушении общественных норм поведения, указывая на то, что субъект находится в месте, в котором привычно и безнаказанно происходит нарушение правил, а закрепленные за человеком и социумом права могут игнорироваться. Восприятие следов преднамеренной деструкции среды повышает оценку личного риска виктимизации, что ведет к переживанию опасений криминальных действий по отношению к субъекту восприятия.

“

гический подход в изучении восприятия вандализма (Воробьева И. В., 2018). Он ориентирован на изучение значения вандабно действий, придаваемых ему городской молодежью.

Считая, что любое повреждение городской среды может иметь значение, представители коммуникативной концепции вандализма предполагают, что вандабно повреждения выступают средством коммуникации горожан. Надписи и наклейки, рекламные объявления и растяжки позволяют горожанам обмениваться информацией, ориентироваться в городской среде, выделяться на фоне городской застройки.

Представители перфомансной концепции предполагают, что вандабно повреждения способны передавать эмоциональные переживания. Городские жители рассматриваются аудиторией, способной воспринимать вандабно информацию, а вандал представляет себя художником, актером или автором. С помощью

Насилие над вещами (разрушение вещей) представляет базовую форму проявления такого конструкта, как «*incivilities*» (неуважение, невежливость, нелюбовь к окружающим), у которого во множестве исследований была обнаружена сильная связь с чувством безопасности граждан, основанном на оценке криминогенности (Häfele, 2013), (Hinterlehner, H., Hummelsheim-Doss, D., Sessar, K., 2018), (Oberwittler, D., Janssen, H., Gerstner, D., 2017).

Наиболее близким к нашей линии исследования выступает феноменоло-

надписей и рисунков, порчи или уничтожения автор выражает свои эмоции, рассчитывая, что они будут поняты его «читателями». Предполагается, что вандальные значения могут быть предписанными и рассматриваются количественной характеристикой социальных настроений горожан (например, протестных или криминальных). Изучению подвергаются и значения вандальных поражений, которые рассматриваются в виде «текста», несущего какую-то информацию.

Таким образом, современные исследования изучают различные компоненты восприятия вандальных поражений, считая, что они способны не только формировать эмоциональные реакции, но и обладают значениями, которые могут быть «считаны», поняты или приписаны вандальным действиям и их результатам.

Методология исследования восприятия вандализма. Обзор современной научной литературы и исследований восприятия различных объектов показал, что преобладающим методом измерения выступает изучение активности глаз в процессе последовательного восприятия стимулов испытуемыми (Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В., 2014). Обобщение данных исследований позволило сформировать показатели, необходимые для предъявления стимулов (Quiroga, R. Q., Pedreira, C., 2011, p. 98), а также регистрации психологических характеристик, связанных с их восприятием (Francuz, P., Zaniewski, I., Augustynowicz, P., Kapiś, N., Jankowski, T., 2018, p. 87), вызванных эмоциональных переживаний (Melcher, D., Vacci, F., 2013), свойств личности субъекта, влияющих на внимание субъекта к определенным элементам изображения, обуславливающих оценку воспринятой информации (Simpson, A., Thomas, N. A., 2018).

Теоретические основания для интерпретации глазодвигательных реакций, связанных со значением воспринимаемой информации, в настоящее время окончательно не разработаны (Фазылзянова, Г. И., Балалов, В. В., 2014). Существующие концепции описывают роль нейрофизиологических структур и процессов, сопровождающих визуальное восприятие (Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В., 2013). Поэтому для изучения субъективных значений воспринимаемых образов процедура исследования движений глаз и физиологических характеристик глазного аппарата дополняется методами самоотчета – собеседования, методики анкетирования, опроса. Их значение заключается в изучении когнитивных, установочных и ценностных атрибутов, влияющих на восприятие и оценку стимулов, но в силу технических ограничений, не регистрируемых вместе с глазодвигательными реакциями.

Для построения схемы исследования целесообразно использовать последовательное, а не дискретное предъявление визуальных стимулов. Время предъявления следует выбирать исходя из характеристик стимула, а также индивидуальных особенностей восприя-

тия. Оптимально предоставить обследуемому самому регулировать данный промежуток времени.

Подготовку стимульного материала следует проводить с учетом целей исследования, поставленных исследовательских гипотез. Для подготовки стимульного материала на полевом этапе нами было проведено фотофиксирование образцов вандального поведения.

Длительность исследования определяется исходя из операций обследуемого по восприятию стимулов, характеристик стимульного материала, времени сосредоточения внимания и степени утомления.

Для измерения глазодвигательных реакций целесообразно применять айтрекер (*eye-tracker*), позволяющий фиксировать траекторию движений глаз по изображению, дифференцировать непроизвольные саккадические движения, измерять продолжительность сосредоточения на различных элементах изображения. Кроме того, существенным для изучения психологических процессов восприятия выступает информация о работе глазного аппарата – моргании, параметрах зрачка (Краснов, В. С., Коробкин, Н. Э., 2017).

Эмпирическое исследование. Для изучения отношения молодежи к подобным явлениям был выбран метод фокус-групп с принудительным разделением участников по определенным ролевым позициям, а также проведен лабораторный эксперимент с использованием айтрекера Tobii Pro Spectrum на базе Лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета¹. Сформулировано несколько исследовательских вопросов:

1. Какая форма вандализма наиболее остро воспринимается молодежью?
2. Какие формы вандализма молодежь рассматривает как обычную практику собственного времяпрепровождения?
3. Различаются ли оценки вандализма у молодежи, находящейся в разных ролях по отношению к вандальной активности – субъекта и зрителя?
4. Различается ли восприятие вандализма у молодежи с различным индивидуальным опытом подобной активности?

Организация исследования. Процедура организована в два этапа: самоотчета и визуального обследования.

Решение трех вопросов осуществляется посредством самоотчета. На этапе самоотчета изучаются эмоциональные реакции на стимульный материал, индивидуальное отношение к наблюдаемым вандальным действиям (поражениям), оценивается психоэмоциональное состояние.

На визуальном этапе обследуемому предъявляются стимулы-изображения вандажно-пораженных городских объектов. На этапе самоотчета изучаются

¹ Получено из <https://uspu.ru/science/tsentry-i-laboratorii/lab-ppsi/>

эмоциональные реакции на стимульный материал, индивидуальное отношение к наблюдаемым вандальным действиям (поражениям), оценивается психоэмоциональное состояние.

Выборка: состав и характеристики. Было организовано и проведено 8 фокус-групп. В них приняли участие 103 человека в возрасте от 19 до 24 лет. В основу работы участников был положен принцип последовательной демонстрации конкретных примеров вандализма в режиме фоторяда с их последующим групповым обсуждением и оценкой по заранее сформулированным показателям.

Стимульный материал. Выбор стимульного материала предполагал охват большинства видов вандальных повреждений, представленных в современной городской среде. Исходя из мотивации вандальных действий, нами был подготовлен комплекс из десяти изображений, охватывающих такие виды вандализма, как: граффити, замусоривание, деструктивное воздействие, несанкционированную расклейку рекламы и пр. (Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., 2012) (см. рис.1 стимулы 1–10). Следует оговориться, что подписанные названия вандальных действий являются условными, имеют обозначающее, а не определяющее значение.

Рисунок 1.1. Графический вандализм – художественное граффити

Рисунок 1.2. Графический вандализм – надписи на детской площадке

Рисунок 1.3. Графический вандализм – теги и наклейки на дорожном знаке

Рисунок 1.4. Вандализм замусоривания – мусор на цокольном этаже

В ходе исследования данные стимулы предъявлялись обследуемым без указания их названий.

Процедура исследования. Участники фокус-группы были разделены на подгруппы с разными ролями – «Я-вандал» и «Я-зритель». Первая пози-

ция предполагала работу со стимульным материалом с точки зрения совершения действий аналогичного характера, т. е. «это сделал не я, но я так тоже делаю». Позиция «Я-зритель» предполагала изучение стимулов с позиции горожанина, воспринимающего вандальные

Рисунок 1.5. Деструктивный вандализм – разбитые окна

Рисунок 1.6. Вандализм замусоривания – объявления на гаражах

Рисунок 1.7. Вандализм замусоривания – наклейки на остановочном комплексе

Рисунок 1.8. Графический вандализм – реклама на тротуаре

Рисунок 1.9. Графический вандализм – реклама наркотических веществ

Рисунок 1.10. Деструктивный вандализм – сожженный автомобиль

поражения частью городского ландшафта. Введение позиций позволило структурировать мнения участников относительно допустимости конкретных вандажных действий, выявить отношение к каждому проявлению вандализма.

Участники подгрупп получали стимульный материал последовательно, по порядку его предъявления. Каждое изображение обсуждалось участниками подгруппы, а результаты обсуждения фиксировались в индивидуальных листах оценки стимулов. Время обсуждения ограничивалось, продолжительность фокус-группы составляла 1 час 40 минут.

Оценка стимулов участниками подгрупп предполагала два типа заданий. Первое задание – описание участниками увиденного ими стимула. Использовались пять видов вопросов, измеряющих отношение к вандализму:

– Что я думаю об этом? (представление о вандажном действии и его последствиях, когнитивный компонент отношения);

– Что я чувствую, глядя на это? (эмоции и чувства, вызываемые вандализмом, эмоциональный компонент отношения);

– Насколько это важно, ценно, значимо для меня? (значение и смысл вандажного действия и вандажных повреждений, ценностно-смысловой компонент отношения);

– Что я буду делать, увидев это? (действия, совершаемые участником исследования, а также их характеристики, например, интенсивность, сложность, осмысленность, поведенческий компонент отношения).

– Общий вывод о значении демонстрируемых изображений, их значимости для горожан и городской среды

(вопрос, интегрирующий представления участника в целостную позицию относительно вандажного действия).

Второе задание предполагало количественную оценку каждого изображения по этим же критериям с точки зрения уровня их выраженности, от 1 до 10 (где 1 – минимальный, 10 – максимальный показатель).

Результаты оценки стимулов обобщались исследователями методами математико-статистического анализа, качественные результаты подверглись процедуре контент-анализа. Собранные сведения позволили выявить специфику восприятия участниками фокус-групп вандажных повреждений городской среды.

Результаты и интерпретация. Интерпретация полученных результатов осуществлялась последовательно, согласно сформулированным исследовательским вопросам. Оценка мнений респондентов относительно вандализма проводится с разделением на ролевые позиции «Я-вандал» и «Я-наблюдатель», влияющими на отношение к вандажным действиям и повреждениям городской среды.

1 исследовательский вопрос – Какая форма вандализма наиболее остро воспринимается молодежью?

Количественный анализ оценок вандажных действий и их последствий позволил выделить медианные показатели ответов по всей выборке обследованной нами молодежи (результаты представлены на рис. 2.). Высокие баллы оценок на графике (выше 8 баллов по медиане) свидетельствуют о повышенном интересе к вандажным поражениям, интенсивных эмоциональных переживаниях, множественном значении вандажных поражений. Можно видеть, что такие оценки даны вандажным повреждениям на

Рисунок 2. Медиана показателей оценки вандализма молодежью

Примечание: 1 – когнитивный компонент, 2 – эмоциональный компонент, 3 – ценностно-смысловой компонент, 4 – поведенческий компонент, 5 – интегрированная оценка

фото 1 (художественное граффити), фото 4 (замусоривание цокольного этажа), фото 10 (сожженный автомобиль). Объяснение этому видится в преобладании эмоционального отношения среди других компонент отношения.

Контент-анализ описаний участниками своих впечатлений показал, что художественный вандализм (фото 1) интересен и привлекателен, оценивается «ярким украшением серой среды». Этим объясняется необходимость его существования в городе.

Вандализм замусоривания (фото 4) вызвал прямо противоположные оценки внутри групп участников эксперимента. Группа «Я-наблюдатель» негативно оценивала фото 4, высказываясь: «за страну стыдно!», «безобразно и бессмысленно». Группа «Я-вандал» выражала агрессивно оборонительную позицию – «все так делают, и мы тоже будем», «это наше место, хотим и мусорим» и пр.

При описании деструктивного вандализма (фото 10), респонденты обеих групп выражают негативные эмоциональные переживания, считают действия опасными и преступными. Участники дистанцируются от подобных действий, считают невозможным свое участие в них.

В целом, результаты показывают, что все формы вандальных поражений городской среды вызывают реакцию молодежи. Художественный вандализм наделяется положительным значением, признается ценным для городской среды. Вандализм замусоривания получил противоположные оценки в группах «Я-вандал» и «Я-зритель». Подобная противоречивость, вероятно, свидетельствует о существовании представлений, осуждающих замусоривание и, вместе с тем, допускающих подобные действия. Можно предполагать, что молодежь не имеет однозначной позиции по отношению к этой форме вандализма, его осуществление зависит от условий и обстоятельств ситуации.

Деструктивная форма вандализма (демонстрируемая на фото 10) вызывает однозначные и негативные оценки, по результатам измерений считается наиболее недопустимой для опрошенной нами молодежи.

2 исследовательский вопрос – Какие формы вандализма молодежь рассматривает как обычную практику собственного времяпрепровождения?

Предметом анализа выступали суждения и оценки участников исследования относительно стимулов вандажных действий, имеющие наименьшие показатели. Использовались оценки в диапазоне (Mx-sd, в количественном выражении – 4 балла и ниже). Данные оценки свидетельствуют о незначимости вандажных действий для участников.

Низкие оценки были получены по фото 2 (надписи на детской площадке), фото 3 (теги и наклейки на дорожном знаке), фото 5 (разбитые окна), фото 6 (объявления на гаражах). Эти виды вандажных поражений не заинтересовали обследуемых и не вызвали сильных эмоциональных реакций.

Участники фокус-групп признают вандажные повреждения неуместными, ухудшающими внешний вид объектов, но не считают их значимыми. Более того, по их мнению, уборка, починка, замена этих объектов не является трудоемкой. Респонденты полагают, что эти вандажные действия допустимы и, в какой-то мере оправданы, как следствие – их не следует порицать и запрещать. Отметим, что в ходе обсуждения респонденты признавали, что сами ранее совершали подобные действия – рисовали на стенах и гаражах, наклеивали объявления. При этом они стремились объяснить, почему они так поступали и почему их действия могут быть оправданы.

3 исследовательский вопрос – Различаются ли оценки вандализма у молодежи, находящейся в разных ролях по отношению к вандажной активности – субъекта и зрителя? Решением исследовательского вопроса выступал показатель медианы по фотографиям, дан-

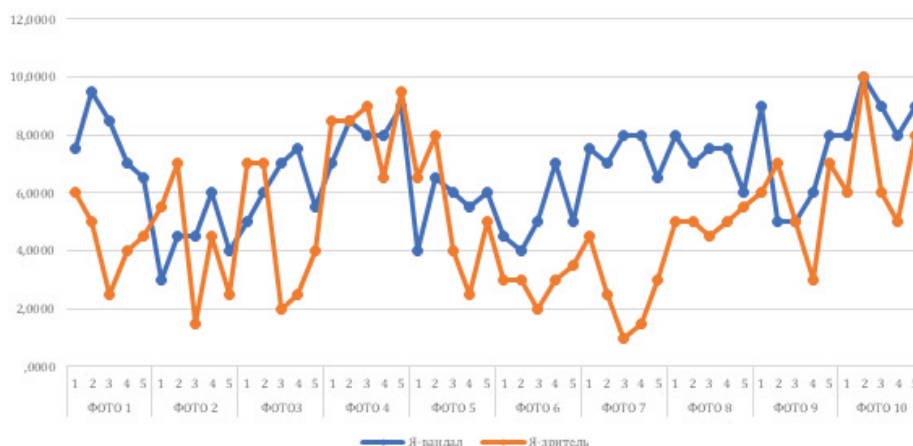

Рисунок 3. Медиана показателей оценки вандализма молодежью в разных социальных ролях

Примечание: 1 – когнитивный компонент, 2 – эмоциональный компонент, 3 – ценностно-смысловой компонент, 4 – поведенческий компонент, 5 – интегрированная оценка

ным участниками, находящимися в ролевых ориентировочных позициях «Я-вандал» и «Я-зритель» (рисунок 3).

Отметим, что количественные оценки, даваемые в ролевой позиции «Я-вандал», выше значений «Я-зритель» (ср. ранг. 5,88 и 2,78). По-видимому, позиция «Я-вандал» предполагает более детальную оценку информации, а также вызывает сильные эмоциональные переживания, чем «Я-зритель».

Наиболее высоко оцененными респондентами были: фото 1 (художественное граффити), фото 4 (вандализм замусоривания), фото 5 (разбитые

стекла), фото 7 (наклейки на остановочном комплексе), фото 9 (реклама наркотических веществ), фото 10 (сожженный автомобиль). Фото, которые были оценены в зоне низких значений (2 балла и ниже) – фото 2 (надписи на детской площадке), фото 3 (теги и наклейки на дорожном знаке), фото 6 (объявления на гаражах), фото 7 (наклейки на остановочном комплексе).

Оценка статистической значимости различий между группами в ролевых позициях «Я-вандал» и «Я-зритель» определялась с помощью непараметри-

Таблица 1. Статистические различия оценок ролевых позиций «Я-вандал» и «Я-зритель»

Показатель	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости	Средний ранг	
			Я-вандал	Я-зритель
Фото 1. Художественное граффити				
Эмоциональный компонент	0,000	0,017	6,50	2,50
Ценностно-смысловой компонент	1,000	0,041	6,25	2,75
Фото 3. Теги и наклейки на дорожном знаке				
Ценностно-смысловой компонент	0,000	0,019	6,50	2,50
Поведенческий компонент	0,000	0,020	6,50	2,50
Фото 6. Объявления на гаражах				
Интегрированная оценка	1,500	0,046	6,13	2,88
Фото 7. Наклейки на остановочном комплексе				
Эмоциональный компонент	0,000	0,020	6,50	2,50
Ценностно-смысловой компонент	0,500	0,025	6,38	2,63
Поведенческий компонент	0,500	0,025	6,38	2,63
Интегрированная оценка	0,500	0,028	6,38	2,63
Фото 8. Реклама на тротуаре				
Поведенческий компонент	1,500	0,044	6,13	2,88
Фото 9. Реклама наркотических веществ				
Эмоциональный компонент	0,000	0,046	2,00	5,00
Поведенческий компонент	0,000	0,046	5,00	2,00

Примечание: приведены показатели, имеющие статистически значимые различия между группами.

ческого критерия U-Манна-Уитни, результаты которого представлены в таблице 1.

Можно видеть, что у участников групп «Я-вандал» и «Я-зритель» существенно различаются все показатели оценки стимульного материала. Лишь в отношении фото 9 – рекламы наркотических веществ, мнения респондентов совпадают. Объяснение этому видится в понимании опасности распространения наркотиков, негативном отношении к их употреблению в выборках опрошенных нами лиц.

4 исследовательский вопрос – Различается ли восприятие вандализма у молодежи с различным индивидуальным опытом вандажных действий? Решение вопроса осуществлялось изучением глазодвигательных реакций обследуемых из двух групп. Регистрация реакций проводилась с помощью айтрекера Tobii Pro Spectrum.

Опыт вандажных действий изучался путем опроса. Участники исследования были разделены на три группы: а) не имевшие опыта (2 человека); б) незначитель-

ный и эпизодический опыт (8 человек); в) значительный опыт вандальных действий (1 человек). Всего в исследовании участвовало 11 человек, из них 3 мужчин. Ограничения выборки не позволяют считать полученные результаты научно значимыми. Вместе с тем, получение

данных результатов апробирует процедуру измерения реакции и стимульный материал исследования.

Стимульный материал исследования был ограничен, исключены фотографии № 7, 8, поскольку они не вызвали существенного эмоционального отклика у об-

Рисунок 4.1. Тепловые карты фото 1 (художественное граффити)

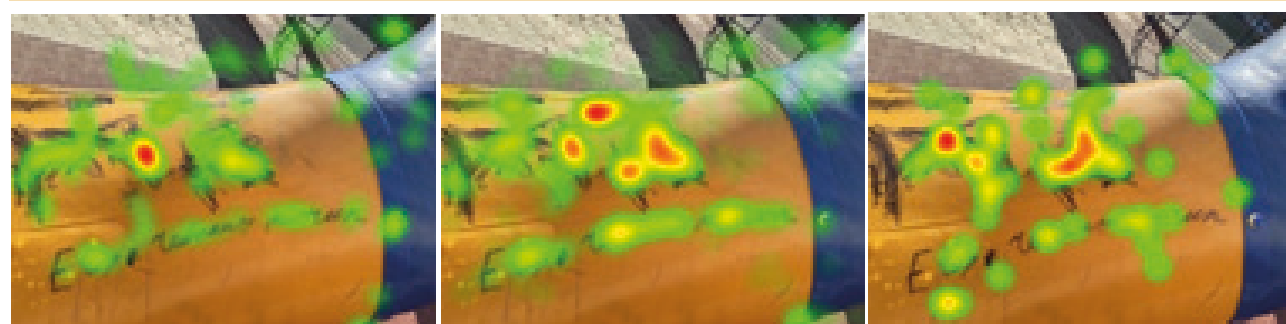

Рисунок 4.2. Тепловые карты фото 2 (надписи на детской площадке)

Рисунок 4.3. Тепловые карты фото 3 (наклейки на дорожном знаке)

Рисунок 4.4. Тепловые карты фото 4 (мусор на цокольном этаже)

Рисунок 4.5. Тепловые карты фото 5 (разбитые окна)

Рисунок 4.6. Тепловые карты фото 6 (объявления на гаражах)

Рисунок 4.7. Тепловые карты фото 9 (реклама наркотических веществ)

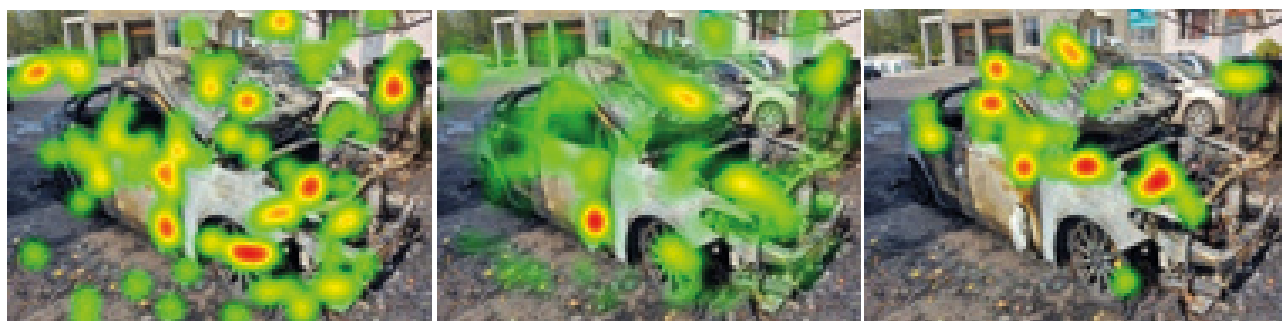

Рисунок 4.8. Тепловые карты фото 10 (сожженный автомобиль)

следуемых. Результаты измерения представлены в виде тепловых карт на рисунке 4 (4.1 – 4.8.)

Метод «тепловых карт» позволяет выявить области стимулов, пользующиеся наибольшим вниманием

обследуемых, не позволяя выявить причины данного внимания. Проведенный анализ показывает, что:

1. Распределение внимания респондентами с разным опытом вандальных действий наблюдается при

просмотре стимулов 4.1, 4.2, 4.5. Различия заключаются во внимании к области вандального поражения, изучении вандальных повреждений. Респонденты, имеющие опыт вандальных действий, сосредоточены на этой зоне изображения, а респонденты, не имеющие вандального опыта, рассматривают все объекты изображения. Можно видеть, что респонденты с единственным опытом вандализма более внимательны к результатам деструктивной активности, фокусируются на преобразованных или разрушенных объектах.

1.1 Траектория движений глаз при просмотре изображений незначительно различается. Выделяется два вида траекторий просмотра – предметная (фокусирующаяся на вандальных повреждениях) и пространственная (фокусирующаяся на объектах всего изображения). Можно предполагать, что дисперсия зон внимания и фокус внимания к конкретным деталям изображения зависит от жизненного опыта, в том числе и опыта вандальных действий.

1.2 Время восприятия и области изучаемых повреждений обусловлены стремлением обследуемых понять причины вандальных действий и оценить их ущерб. При отсутствии такого мотива, обследуемые рассматривают все изображение, равномерно задерживаясь на его объектах. Так, к примеру, наблюдая художественный (фото 4.1) или деструктивный вандализм (фото 4.8) обследуемые оценивают вандальные действия, пытаются понять их значимость.

Все описанные особенности зрительного восприятия нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке на более широкой выборке.

Выводы исследования. Исследование было направлено на изучение специфики восприятия молодежью вандального поведения. Основываясь на феноменологическом подходе к социально-средовым исследованиям, мы полагаем, что раскрытие специфики восприятия вандализма молодежью является важнейшим условием для построения программ профилактики вандальных и хулиганских преступлений.

Полученные в исследовании результаты раскрывают специфику аффективно-оценочных, когнитивных, ценностно-смысловых и моторных составляющих перцепции. Конкретизируем их, соотнося с результатами альтернативных исследований.

1. Яркий эмоциональный отклик у молодежи вызывают три формы городского вандализма: граффити, замусоривание и уничтожение собственности. Объяснение этому видится в ценности, атрибутируемой молодежью вандальным действиям или объектам, потерпевшим вандальный вред. Стоит отметить амбивалентность эмоциональных реакций, полученных от респондентов в ответ на стимулы и широту спектра эмоций: от восхищения до отвержения и страха. Видя связь этих реакций с конкретными стимулами, мы полагаем, что вандальные повреждения оцениваются мо-

лодежью схожим образом, а отклонения этих оценок от ожиданий (например, выражение радости вместо страха при предъявлении фотографии сожженного автомобиля) может указывать либо на оппозиционное отношение респондента к процедуре обследования, либо продемонстрировать установку признания вандализма в отношении данных объектов.

В целом, мы считаем важным изучение нетипичных ответов для того, чтобы понять психологическую природу причин их возникновения. Видя, что в экспериментальной ситуации предъявленные нами стимулы способны побуждать эмоции, мы полагаем, что в условиях городских улиц эмоциональные переживания горожан образуют общий эмоциональный фон, который A. Fraser и D. Matthews называют «атмосферой городских улиц» (Fraser, A., Matthews, D., 2019). Представляется целесообразным, используя предложенную ими методологию, изучить эмоциональную атмосферу улиц, подверженных граффити, замусориванию и деструкции, для уточнения выводов, полученных нами в эксперименте. В таком случае, молодежь будет репрезентировать вандализм неотъемлемой частью городской среды и образа жизни, а не условием эксперимента.

2. Повседневными (рутинными) формами вандального поведения молодежь считает незначительные вандальные поражения досуговых, внутридомовых и придворовых пространств. Зарисовывание или замусоривание дворовой и домовой инфраструктуры признается частью окружающей среды и не вызывает отторжения. Можно полагать, что привыкая к виду разрушенных или разбитых дворовых локаций, респонденты не осуждают и действия по их нанесению (Hinkle, J. C., Yang, S., 2014).

Мы оцениваем причину подобного восприятия отклонением от норм общественной нравственности, позволяющим признавать вандализм и хулиганство допустимыми. Конечно, влияние этого отклонения на социальное поведение невозможно описать, основываясь только на данных нашего исследования. Однако, оценивая их через призму концепций криминализации, можно считать их предпосылками делинквентного поведения. Схожим образом рассуждает T. Kindynis, изучая граффити на улицах Лондона (Kindynis, 2017). Обосновывая связь между граффити и социальным контролем, он опирается на символическую теорию А. Лефевра, утверждая, что вандалы отвоевывают легальное городское пространство, заполняя его криминальными граффити. Полагая, что граффити переписывают не только улицы, но и представления горожан, он возлагает на вандализм функцию символической, демонстративной дезорганизации социального поведения. Не видя необходимости следовать его идее, мы считаем полезным изучать влияние граффити на представления горожан о социальном порядке.

3. В представлениях о роли вандала и зрителя существуют различия относительно оценки приемлемости и значимости вандажных действий. Наиболее значимо различаемыми являются оценки графического вандализма, замусоривания, рекламной расклейки и деструктивных действий. Объяснение различий видится, во-первых, в критериях оценивания.

Используемая в эксперименте ориентировочная позиция «Я-вандал» побуждает участника к проявлению личного отношения к вандажному поступку. Такая позиция, очевидно, предполагает рассмотрение целесообразности вандажных действий, то есть соотношения побуждений к вандажным действиям с их результатом. Обследуемые оценивают вандажные действия, размышляя об их необходимости, соотносят вандажные действия с результатом, который будет получен.

Основаниями оценки вандажных действий в позиции «Я-зритель» выступают социальные критерии. Находясь в роли наблюдателя, участник исследования оценивает результат действий, а не его причины, соотносит между собой ценность вандажных повреждений с ценностью объектов, которым они были нанесены.

4. Результаты изучения глазодвигательных компонент восприятия вандализма лицами, имеющими и не имеющими опыт вандажного поведения, являются принципиально новыми. Физиологические и моторные компоненты просмотра вандажных повреждений не исследовались и не изучались ранее, за исключением публикации (Pavlova, N. V., Pavlov, Y. G. & Zlokazov, K. V., 2018), в которой описываются результаты восприятия деструктивного поведения. Однако полученные нами данные репрезентативнее, поскольку характеризуют восприятие различных форм вандализма, а не вандализма в целом. Кроме того, изучение лиц, имеющих разный опыт вандажных действий, точнее характеризует различия в восприятии ими городского вандализма.

Восприятию вандажных поражений объектов лицами, имеющими личный опыт вандализма, присуща фиксация внимания на объекте вандажной атаки и внимание к его повреждениям. Для лиц, не имеющих опыт вандажных поведений, характерно пространственно-панорамное обследование изображения, внимание ко второму плану и деталям.

Эти результаты частично согласуются с выводами об особенностях восприятия вандалами городской среды, в частности – городских кварталов (Mushtaha, 2016). Авторы исследования показывают, что молодежь с опытом вандажных действий особым образом реагирует на серую и однообразную застройку, считает необходимым вандажно преобразовать ее. В нашем

исследовании, вероятно, обнаруживаются перцептивные признаки вандажной стратегии – ориентировка на месте нанесения вандажных повреждений и оценка ее эффекта.

Можно полагать, что в основе перцептивной стратегии находится уже отмеченная нами ранее особенность идентификации себя в ситуации вандализма к двум позициям – «Я-вандал» и «Я-зритель». Вероятно, что лицам, имеющим опыт вандажного поведения, свойственен первый вариант идентификации, а для не имеющих его – второй. Позиция «Я-вандал» выражается во внимании к цели вандализма и его результатам, а позиция «Я-зритель» выражается во внимании ко всему изображению, поскольку участник стремится понять всю ситуацию, разобраться в ее обстоятельствах. Тем самым участник реконструирует социальное значение объекта, причиненных ему вандажных повреждений.

Конечно, данная гипотеза существенно выходит за пределы проведенного исследования, поскольку размеры выборки, процедура измерения и характер различий не позволяют высказывать какие-либо далеко идущие предположения.

Заключение

Результаты показывают, что перцептивная стадия восприятия вандажного поведения может быть представлена совокупностью нескольких аспектов обработки информации: когнитивной, эмоциональной, установочной, ценностно-смысловой и моторной. Будучи аналитически вычлененными из целостного процесса перцепции, данные аспекты раскрывают специфику восприятия молодежью, имеющей разный опыт вандажного поведения, городской среды.

Проведенное исследование намечает перспективы изучения социальной перцепции вандализма, поскольку выявленные нами факты влияния ориентировочной позиции (участника или наблюдателя) на атрибуцию ситуации нуждаются в дальнейшей проверке на когнитивном, ценностно-смысловом и моторном уровнях анализа перцепции.

Методологические результаты исследования заключаются в апробации методики измерения вандализма посредством технологии айтрекинга, в том числе стандартизации процедуры и стимульного материала, разработки методики оценки тепловых карт. Ее применение позволит получать новые сведения о восприятии молодежью вандажного поведения в непосредственных условиях городской среды. Это повысит экологическую валидность исследований, а также откроет доступ к сенсорно-перцептивным аспектам восприятия и оценки вандажного поведения.

Список литературы

- Seccato, V., Haining, R. (2004). Crime in Border Regions: The Scandinavian Case of Öresund, 1998–2001. *Annals of the Association of American Geographers* 94(4), 807–826.
- Clark, R. (2008). How to control litter in recreation areas. *Annual Review of Psychology*, (77), 112–122.

- Cohen, S. (1973). Destruction of property: Motives and meanings. *Vandalism*, 23–53.
- DeShay, R. A., Vasquez, A. G., Vieraitis, L. M. (2020). You Gotta Have a Plan so You Won't Get Caught. *Managing the Risks of Street Tagging. Deviant Behavior*, 1–18. doi:10.1080/01639625.2020.1722339.
- Francuz, P., Zaniewski, I., Augustynowicz, P., Kopiś, N., Jankowski, T. (2018). Eye Movement Correlates of Expertise in Visual Arts. *Frontiers in human neuroscience* (12), 87.
- Fraser, A., Matthews, D. (2019). Towards a criminology of atmospheres: Law, affect and the codes of the street. *Criminology & Criminal Justice*. 174889581987485. doi:10.1177/1748895819874853.
- Häfele, J. (2013). *Die Stadt, das Fremde und die Furcht von Kriminalität*. Wiesbaden: Springer VS.
- Halsey, M., Young, A. (2006). Our desires are ungovernable. *Theoretical Criminology* 10(3), 275–306. doi:10.1177/1362480606065908.
- Hinkle, J. C., Yang, S. (2014). A new look into broken windows: What shapes individuals' perceptions of social disorder. *Journal of Criminal Justice*, (42), 26–35.
- Hinterlehner, H., Hummelsheim-Doss, D., Sessar, K. (б.д.). *Kriminalitätsfurcht. Über die Angst der Bürger vor dem Verbrechen*. Baden-Baden: Nomos.
- Hirtenlehner, H., Leitgöb, H., Stiebellehner, K., Birklbauer, A., Bacher, J. (2019). Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. *Zeitschrift fuer Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*, (2), 120-132.
- Kindynis, T. (2017). Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London. *The British Journal of Criminology* 58 (3), 511–528. doi:10.1093/bjc/azx040.
- Melcher, D., Bacci, F. (2013). Perception of emotion in abstract artworks: a multidisciplinary approach. *Progress in Brain Research*, (20), 191–216.
- Mushtaha, E. (2016). The Effect on Vandalism of Perception Factors Related to Housing Design, Case of U. A. E Cities. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering* 15 (2), 247–254.
- Oberwittler, D., Janssen, H., Gerstner, D. (2017). Unordnung und Unsicherheit in großstädtischen Wohngebieten – Die Überschätze Rolle von „Broken Windows“ und die Herausforderungen ethnischer Diversität. *Soziale Probleme*, (28), 18.
- Pavlova, N. V., Pavlov, Y. G. & Zlokazov, K. V. (2018). Visual perception of urban vandalism. *International Journal of Psychophysiology*, 131, 121. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.328.
- Quiroga, R. Q., Pedreira, C. (2011). How do we see art: an eye-tracker study. *Frontiers in human neuroscience*, (5), 98.
- Schneider, M. (2002). *Vandalismus. Erscheinungsformen, Ursachen und Prävention zerstörerischen Verhaltens sowie Auswirkungen des Vandalismus auf die Entstehung krimineller Milieus*. Aachen: Schneider.
- Simpson, A., Thomas, N. A. (2018). Neuroticism, schizotypy, and scale anchors influence eye movement behaviour in the visual exploration of abstract art: An exploratory study. *Acta Psychologica* 18 (3), 85–98.
- Vorobyeva, I. V., Kruzhkova, O. V., Krivoschekova, M. S. (2015). The genesis of vandalism: From childhood to adolescence. *Psychology in Russia: State of the Art* 8 (1), 139–156.
- Westover, T. N. (1985). Perceptions of crime and safety in three midwestern parks. *The Professional Geographer* 37(4), 410–420.
- Wilson, J., Kelling, G. (1982). The Police and Neighborhood Safety: Broken Windows. *The Atlantic Monthly*, 29–38.
- Абрамова, Ю. (1995). Психология среды: источники и направления развития. *Вопросы психологии*, (2), 130–137.
- Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В. (2013). *Регистрация и анализ направленности взгляда человека*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В. (2014). *Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике: учебное пособие*. Москва: Когито-центр.
- Волкова, Е. Н., Митицина, Е. А. (2020). Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде. *Вестник Мининского университета* 3 (32), 6.
- Воробьева, И. (2019). Вандализм в городской среде как маркер небезопасности территории. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 4, 5–10.
- Воробьева, И. В. (2018). *Вандализм в городской среде: девиация или коммуникация*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- Воробьева, И. В., Кружкова, О. В. (2012). *Психология городской среды*. Екатеринбург: РГППУ.
- Краснов, В. С., Коробкин, Н. Э. (23-25 ноябрь 2017 г.). Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход. Материалы VII Всероссийской конференции с международным участием. *Сравнительный анализ технических и функциональных характеристик айтрекеров*. Курск, Россия.
- Мерло-Понти, М. (1999). *Феноменология восприятия*. Санкт-Петербург: Ювента.
- Павлов, В. (2017). Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве. *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*, 4 (37), 85–90.
- Фазылзянова, Г. И., Балалов, В. В. (2014). Айтрекинг: когнитивные технологии в визуальной культуре. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*, 16(2), 628–633.

References

- Ceccato, V., Haining, R. (2004). Crime in Border Regions: The Scandinavian Case of Öresund, 1998–2001. *Annals of the Association of American Geographers* 94(4), 807–826.
- Clark, R. (2008). How to control litter in recreation areas. *Annual Review of Psychology*, 77, 112–122.
- Cohen, S. (1973). Destruction of property: Motives and meanings. *Vandalism*, 23–53.
- DeShay, R. A., Vasquez, A. G., Vieraitis, L. M. (2020). You Gotta Have a Plan so You Won't Get Caught. *Managing the Risks of Street Tagging. Deviant Behavior*, 1–18. doi:10.1080/01639625.2020.1722339.
- Francuz, P., Zaniewski, I., Augustynowicz, P., Kopiś, N., Jankowski, T. (2018). Eye Movement Correlates of Expertise in Visual Arts. *Frontiers in human neuroscience*, 12, 87.
- Fraser, A., Matthews, D. (2019). Towards a criminology of atmospheres: Law, affect and the codes of the street. *Criminology & Criminal Justice*. 174889581987485. doi:10.1177/1748895819874853.
- Häfele, J. (2013). *Die Stadt, das Fremde und die Furcht von Kriminalität*. Wiesbaden: Springer VS.
- Halsey, M., Young, A. (2006). Our desires are ungovernable. *Theoretical Criminology* 10(3), 275–306. doi:10.1177/1362480606065908.
- Hinkle, J. C., Yang, S. (2014). A new look into broken windows: What shapes individuals' perceptions of social disorder. *Journal of Criminal Justice*, 42, 26–35.
- Hinterlehner, H., Hummelsheim-Doss, D., Sessar, K. (b.d.). *Kriminalitätsfurcht. Über die Angst der Bürger vor dem Verbrechen*. Baden-Baden: Nomos.
- Hirtenlehner, H., Leitgöb, H., Stiebellehner, K., Birklbauer, A., Bacher, J. (2019). Vandalismus und Sachbeschädigungsdelinquenz von Kindern und Jugendlichen. *Zeitschrift fuer Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*, 2, 120–132.
- Kindynis, T. (2017). Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London. *The British Journal of Criminology* 58 (3), 511–528. doi:10.1093/bjc/azx040.
- Melcher, D., Bacci, F. (2013). Perception of emotion in abstract artworks: a multidisciplinary approach. *Progress in Brain Research*, 20, 191–216.
- Mushtaha, E. (2016). The Effect on Vandalism of Perception Factors Related to Housing Design, Case of U. A. E Cities. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering* 15 (2), 247–254.
- Oberwittler, D., Janssen, H., Gerstner, D. (2017). Unordnung und Unsicherheit in großstädtischen Wohngebieten – Die Überschätze Rolle von „Broken Windows“ und die Herausforderungen ethnischer Diversität. *Soziale Probleme*, 28, 18.
- Pavlova, N. V., Pavlov, Y. G., Zlokazov, K. V. (2018). Visual perception of urban vandalism. *International Journal of Psychophysiology*, 131, 121. doi:10.1016/j.ijpsycho.2018.07.328.
- Quiroga, R. Q., Pedreira, C. (2011). How do we see art: an eye-tracker study. *Frontiers in human neuroscience* (5), 98.
- Schneider, M. (2002). *Vandalismus. Erscheinungsformen, Ursachen und Prävention zerstörerischen Verhaltens sowie Auswirkungen des Vandalismus auf die Entstehung krimineller Milieus*. Aachen: Schneider.
- Simpson, A., Thomas, N. A. (2018). Neuroticism, schizotypy, and scale anchors influence eye movement behaviour in the visual exploration of abstract art: An exploratory study. *Acta Psychologica*, 18(3), 85–98.
- Vorobyeva, I. V., Kruzhkova, O. V., Krivoshchekova, M. S. (2015). The genesis of vandalism: From childhood to adolescence. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8 (1), 139–156.
- Westover, T. N. (1985). Perceptions of crime and safety in three midwestern parks. *The Professional Geographer*, 37(4), 410–420.
- Wilson, J., Kelling, G. (1982). The Police and Neighborhood Safety: Broken Windows. *The Atlantic Monthly*, P. 29–38.
- Abramova, Yu. (1995). Psikhologiya sredy: istochniki i napravleniya razvitiya. *Voprosy psikhologii*, 2, 130–137.
- Barabanshchikov, V. A., Zhegallo, A. V. (2013). *Registratsiya i analiz napravlenosti vzora cheloveka*. Moskow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Barabanshchikov, V. A., Zhegallo, A. V. (2014). *Aytrekning: Metody registratsii dvizheniy glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike: uchebnoye posobiye*. Moskow: Kogito-tsentr.
- Volkova, Ye. N., Mititsina, Ye. A. (2020). Obzor psikhologicheskikh issledovaniy vandalizma detey i podrostkov kak osnova proyektirovaniya programm profilaktiki v obrazovatel'noy sred. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 3(32), 6.
- Vorob'yeva, I. (2019). Vandalizm v gorodskoy srede kak marker nebezopasnosti territorii. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 4, 5–10.
- Vorob'yeva, I. V. (2018). *Vandalizm v gorodskoy srede: deviatsiya ili kommunikatsiya*. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Vorob'yeva, I. V., Kruzhkova, O. V. (2012). *Psikhologiya gorodskoy sredy*. Yekaterinburg: RGPPU.
- Krasnov, V. S., Korobkin, N. E. (2017). *Psikhologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psikhologicheskij podkhod. Materialy VII Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Sravnitel'nyy analiz tekhnicheskikh i funktsional'nykh kharakteristik aytrekerov*. Kursk, Rossiya.

- Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya*. Saint Petersburg: Yuventa.
- Pavlov, V. (2017). Voprosy otvetstvennosti za vandalizm v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve. *Vestnik Sankt-Petersburgskoy yuridicheskoy akademii*, 4 (37), 85–90.
- Fazylyzhanova, G. I., Balalov, V. V. (2014). Aytreking: kognitivnyye tekhnologii v vizual'noy kul'ture. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye i tekhnicheskiye nauki*, 16(2), 628–633.

Информация об авторах:

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, институт психологии, Екатеринбург, Россия.

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, руководитель научно-исследовательского отдела, Уральский государственный педагогический университет, институт психологии, Екатеринбург, Россия.

Пецникова Яна – доктор философии, заведующая кафедрой европейских культурных исследований факультета гуманитарных наук Университета Матвея Бела, Банская Бистрица, Словацкая Республика.

About the authors:

Olga V. Kruzhkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Institute of Psychology, Yekaterinburg, Russia.

Irina V. Vorobyova – Head of the Research Department, Candidate of Psychological Sciences, Docent of the Ural State Pedagogical University, Institute of Psychology, Yekaterinburg, Russia.

Yana Petsnikova – PhD, Head of the Department of European Cultural Studies, Faculty of Humanities Matvey Bel University, Banská Bystrica, Slovak Republic.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021; одобрена после рецензирования 22.04.2021; принята к публикации 05.05.2021.

The article was submitted April 12, 2021; approved after reviewing April 22, 2021; accepted for publication May 5, 2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов

Кружкова Ольга Владимировна – формирование замысла исследования, определение его теоретических основ, методологии, интерпретация результатов.

Воробьева Ирина Владимировна – подготовка эмпирического исследования, сбор и первичная обработка исследовательских материалов, интерпретация результатов.

Пецникова Яна – определение теоретических основ исследования, интерпретация полученных результатов.

Authors' contribution

Olga V. Kruzhkova – formation of the research idea, determination of its theoretical foundations, methodology, interpretation of the results.

Irina V. Vorobyova – preparation of an empirical research, collection and primary processing of research materials, interpretation of results.

Yana Petsnikova – definition of the theoretical foundations of the research, interpretation of the results obtained.